

ко человек, но имелись кроме того особые люди из "племени Лукина" (т.е. св.Луки), которые могли поставить икону себе на плечи в одиночку.

В XIV столетии со св.Лукой начинают связывать икону Владимирской Богоматери, хотя в Сказании, датированном XII веком, об этом ничего не сказано. Утверждение первообразности для этой иконы было скопировано со Сказания об иконе Богоматери Римлянки, но копирование не было механическим. Утверждение об авторстве св.Луки основывалось на том, что икона совершила чудо, подобное чуду, связанному с иконой Богоматери Одигитрии, — защитила город от врагов — и следовательно обладала равной степенью благодати, переданной Богоматерью. Очевидно, что для средневековой культуры в данном случае оказывается более важным не формальное повторение изображения в деталях, а сила благодати, присущая образу.

Т.М.НИКОЛАЕВА

ТЕМА "ВОСТОЧНОГО ВРАГА"

(«Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты)

Среди многих других поэтико-лингвистических особенностей "Слова" обращает на себя внимание изображение врага — половцев. Они представлены нерасчлененной враждебной стихией, толпой, стадом, стаяй. Это подтверждается и грамматическими показателями. Все местоимения, выделяющие личность, относятся только к русским: Тии со два храорыхъ Святъславлича ... Тьи бо Олегъ ...; только к русским относятся и выделяющие рестриктивные придаточные (Храорому Мстиславу, иже зареза Геделю иредъ пълки касожскими...); только к русским относятся и притяжательные местоимения I, 2 и 3 лица. Смысловое поле русских пестрит обращениями: О, Бояне, соловию стараго времени!; Олинь братъ, олинь свѣтъ, свѣтлыи ты, Игою... Каждое обращение индивидуализирует и характеризует коммуниканта. У половцев обращений нет. Мльвить Гзакъ Кончакови: Аде соколь къ гнѣзду летить

...Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколь ... Русские движутся организованным войском, их князья — на золотых стременах. А половцы — неготовыми дорогами поборона; Гзакъ обжить сѣрми влькомъ. Они прострошася, аки пардуже гнѣздо. Они не знают чувств, которых так много при описании русских. Половцы не знают и речи — Дѣти бѣсови кликомъ поля прего-родища. Именно с половцами связывается в "Слове" много звуков, каких-то странных, скрипящих — кричат, как перепуганные лебеди, их телеги, речь их сравнивается с карканьем ворон, лаем лисиц, стрекотанием сорок. Они появляются после затмения и имя им тьма — На рѣцѣ на Каялѣ свѣтъ покрыва — по Руской земли прострошася половци ... Они сливаются с враждебной и очень активной природой — стихией. "Природа как бы отступилась от светлого Игоря и перешла на сторону его врагов" (Е.В.Барсов). По сути, только сломив природу, князю Святославу удается победить Кобяка. Святослав — Притопта хлѣми и яруги, взмути ѣрки и озери, иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ луку моря, отъ железныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ въ гриднищѣ Святъславли. Как замечает А.Н.Робинсон: "Только из текста, следующего за этой картиной почти космической катастрофы, становится ясным, что речь идет о конкретном походе".

Но, быть может, восточный враг именно так и изображался? Вот произведение той же эпохи — "Песнь о Роланде", сравнивать которую со "Словом" считается как бы общим местом. Однако различия этих произведений в этом плане, на наш взгляд, глубоко принципиальны. Воинские станы франков и сарацинов описываются с абсолютной симметричностью: Однажды в зной Марсильи Сарагосский/Пошел искать прохлады в сад плодовой/И там прилег на мраморное ложе./Вкруг — мавры: тысяч двадцать их и больше. Он герцогам своим и графам говорит ... Сидит в саду плодовой наш король./При нем Роланд, и Оливье-барон/Спесивец Ансвис, и лук Самсон, /И Жоффрау, Анжу его феоде.../Всего пятнадцать тысяч хребцов" (пер. Ю.С.Корнеева). В каждом лагере есть свой идеальный "барон"—

герцог Нейм и сарацин Бланкендрин; оба короля обращаются к подданным: "Сеньеры бароны!"

Индивидуализированных противников описывают и русские былины – Соловья разбойника, Тугарина, царя Калина. В самом же тексте "Слова" упоминается о схватке Мстислава и Редеди, которые решили бороться сами борьбой, дабы "не губить свое войско".

Восточная тематика у Пушкина исследовалась многократно (см., например, Н.М.Лобкова. Пушкин и Восток. М., 1974). В основном интерес исследователей сосредотачивается на экзотичности "Бахчисарайского фонтана", ориентальных мотивах в "Руслане и Людмиле", отражении сюжетов восточных сказок. Много предположений высказано и о происхождении образа Золотого петушка (К.Бойко, А.Снесеренко, М.П.Алексеев и др.). Насколько нам известно, о переключках со "Словом" при этом не упоминается, хотя связи и здесь достаточно прозрачны: сообщая о появлении врага, Дивь кличет в^{дерева,} врѣху велить послухати земѣ незнаемѣ... Бояре рассказывают князю Святославу как самую страшную новость – знак беды: Уже тресну нудца на волю; уже врѣжеса Дивь на землю. Все эти действия совершает и Золотой петушок.

При определении переключки–сходства литературных текстов, особенно если это относится к текстам, разделенным временем довольно значительно, возникают проблемы, решить которые с абсолютной достоверностью пока еще невозможно. А именно – сложно определить, с чем мы имеем дело: с прямым включением фрагмента источника? с литературным штампом (литературным клише), уже оторвавшимся от первоисточника? с некоторой семантической универсалией, манифестирующейся в сходных конструкциях плана выражения? с сходством по национальному менталитету – если речь идет об одной и той же национальной традиции? наконец, со сходством реалий, мира действительности, требующих адекватного, и потому сходного, изображения?

Поэтому мы отмечаем сходство пушкинских текстов – там, где изображается "восточный враг", с изображением половцев в "Слове", с осторожной оглядкой на все сказанное выше.

Первое сходство лежит в звуковой области. Войско половцев преграждает поля "кликом", неприятные скрипучие звуки характеризуют их семантическое пространство. Именно такие визгливые звуки являются непременным атрибутом турецких воинов в "Капитанской дочке": "Как я боялась проклятых этих нехристей. Как увижу, овалю, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет", - говорит Василиса Егоровна. Именно так описывает их появление и сам Гринев: "В эту минуту раздался страшный визг и крики: мятежники бегом бежали к крепости".

Страшные и странные вопли в "Руслане и Людмила" связываются с печенегами (на сходство описания войска печенегов, осаждающих Киев, с половецким войском в "Слове" обратил внимание Ф.Прийма): Объемлет ужас печенегов: /Питомцы бурные набегов /Зовут рассеянных коней, /Противиться не смеют боле /И с диким воплем в пыльном поле бегут от киевских мечей". Шумные сборы восточных воинов описаны и в "Кавказском пленнике": "В горах раздался клик военный... /Бегут, шумят. /Уздечки мадые гремят, /Чернеют бурки, блещут брони, /Кипят оседланные кони". Однако знаменитый скрип телег, подобный крику вспугнутых лебедей, Пушкин слышал и в действительности: "...несносная жара, недостаток боеприпасов, непрерывный скрип нагайских ароб выводили меня из терпения. Татары тдеславятся этим скрипом, говоря, что они разезжают, как честные люди, не имеющие нужды укрываться" ("Путешествие в Арзрум").

Другая особенность половецкого войска - внезапное, какое-то "тотальное" самообъявление: Половци идут отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ руския плѣкы оступиша. Идут они всем своим народом: с женщинами, скарбом; появляются они из мглы, из тумана, из чего-то, похожего на иной мир. Именно так возникает восточный враг у Пушкина: "И видят в утреннем тумане /Шатры белеют за рекой; /Щиты, как зарево, блистают, /В полях наездники мелькают, /Вдали, подемя черный прах, /Идут походные телеги, /Костры пылают на холмах, /Беда: восстали печенеги" ("Руслан и Людмила");

см. там же: "И день настал. Толпы врагов/С зарею двинулись с холмов,/Неукротимые дружины,/Волнуясь, хлынули с равнины/И потекли к стране градской" – здесь еще более очевидно противопоставление Открытого пространства – Города, столь характерное для "Слова". Дикие гости – половцы идут с моря; именно так появляется полчище врага в "Золотом петушке"; в "Капитанской дочке" сила-тьма идет со стороны степей: "В степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила".

Итак, восточный враг у обоих авторов появляется внезапно, из тумана, мглы или тьмы, со стороны Открытого пространства, неведомой, огромной, нерасчлененной человечески, стихийной враждебной массой, заявляющей о себе звериным кликом. Это – нерегулярное войско, у него как будто нет командиров, ведь, собственно, мы не знаем точно, руководят ли Гзак и Кончак сражением; так же и у Пушкина. Итак, восточный враг лишен личности, неиндивидуализирован.

В связи с этим встает последний вопрос: всегда ли Пушкин изображает врага только так? встречаем ли такое изображение врага только у Пушкина и только при изображении "восточного врага"? На оба вопроса отвечаем отрицательно.

Совершенно иначе изображено шведское войско в "Полтаве". У него – что самое главное – есть индивидуализированный командующий – монарх, Карл; именно он "Слабым манием руки на русских двинул он полки". Карл противопоставляется Петру, оба войска совершают параллельные действия. Таким образом, Пушкин различал при помощи изобразительных средств врага восточного и европейского.

Напротив, именно красками и образами Востока изображает французов Лермонтов в "Бородино"; в этой поэме сходство со "Словом" проглядывает вполне очевидно. Ср.: Чуть утро осветило пушки/И леса синие верхушки –/Французы тут как тут.../И слышно было до рассвета,/ Как ликовал француз... Сквозь дым летучий/Французы двинулись как тучи.../Тут затрещали барабаны/И стетнули басурманн...". Французы неидентифицированы, а отчаянная храбрость Полковника у русских

не уступает храбрости Всеволода Буй-Тура.

Итак, русская традиция описания врага, представленная, начиная со "Слова", не совпадает с европейской хотя бы в пределах того же Средневековья. У врага нет имени, нет индивидуальности, он где-то на пути между природной стихией и человеческим войском. Литературные модели сплетаются с ментальной "картиной мира": немцы в последней войне тоже воспринимались именно так, конкретные лица они обрели много лет спустя. Контраст людей с открытыми лицами и страшных чудовищ с полужверинными ликами предстает в соответствии с этим "Александром Невском" С.Эйзенштейна. (Нельзя не упомянуть здесь о том, что у него есть специальная работа: "Пушкин - монтажёр", где рассматривается именно интересный нас бой с печенегами в "Руслане и Людмиле").

Не пытаюсь разрешить вопрос о причинах и следствиях возникновения этого образа, поддержим все же первоначальное утверждение о том, что подобная модель изображения врага идет от врага восточного и литературно оформлена она еще в "Слове о полку Игореве".

(Выполнено при поддержке Международного научного фонда Д.Сороса).

А.М.РАНЧИН

"ДЕТИ ДЬЯВОЛА": УБИЙЦЫ СТРАСТОТЕРПЦА

Роль антагонистов святого-страстотерпца, в "протосюжете" с невинным убийством правителя, лежащем в основе соответствующих хроникальных и агиографических текстов, исключительно велика. /До известной меры, она более значительна, чем роль самого святого, который может являться фигурой чисто пассивной, на которой как бы "разряжается" царящее в мире зло./

Убийцы страстотерпца - братья, родители, подданные, то есть близкие, попирающие свой "статус" близости к святому. Ср.: Эдуард Мученик, Вячеслав /Вацлав/, Иоанн-Владимир, Борис и Глеб, Олав /в "Passio et miracula beati Olavi" и у Адама Бременского/, Игорь Ольгович, Андрей Боголюбский /уподобленный летописцем страстотерпцем и местно почитав-